

Е.А. Демидова

Преподаватель ГБУДО г. Москвы

«ДМШ имени Г.Ф. Генделя»

Владимир Федорович Одоевский.

Штрихи к портрету.

13 декабря 1836 года в доме Александра Всеволодовича Всевожского состоялся праздничный обед. Повод был замечательный – премьера новой оперы Михаила Глинки «Жизнь за царя». Друзья - поэты преподнесли композитору стихотворный дар – четверостишия с зарифмованными словами «новинка» и «Глинка», в которых они прославляли его талант. Поэты были – Михаил Вильегорский, Петр Вяземский, Василий Жуковский, Александр Пушкин. Стихи эти теперь широко известны:

Михаил Виельгорский:

Пой в восторге, русский хор,
Вышла новая новинка.
Веселися, Русь! наш Глинка —
Уж не Глинка, а фарфор!

Пётр Вяземский:

За прекрасную новинку
Славить будет глас молвы
Нашего Орфея Глинку
От Неглинной до Невы.

Василий Жуковский:

В честь толь славныя новинки
Грянь, труба и барабан,
Выпьем за здоровье Глинки
Мы глинтвейну стакан.

Александр Пушкин:

Слушая сию новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещет, но уж Глинку
Затоптать не может в грязь.

Известно также и то, что буквально через день этот блестящий экспромт был опубликован в издании нот: «Канон, слова Пушкина, Жуковского, князя Вяземского и гр. Вильегорского, музыка кн. Владимира Одоевского и М. И. Глинки», СПб., 15 декабря 1836. Как указано, музыка этого бесконечного канона принадлежит князю Одоевскому.

Трудно назвать человека более разностороннего и одаренного, чем Владимир Федорович Одоевский. Сфера его интересов была необычайно велика – это и наука, и литература, и музыка, и философия, и политика, и даже кулинария. Не менее велик был и круг его общения – едва ли мы найдем хоть одного значимого человека в области общественной или в области культуры середины XIX века, который не был бы так или иначе связан с Одоевским. Он

оставил немалое творческое наследие: литературные произведения – художественные и публицистические, музыку, научные статьи, изобретения. Но более всего сохранилась о нем память как об удивительно добром, честном, умном и деятельном человеке. Среди всех его многочисленных талантов был один – самый важный – талант находить и катализировать все самое лучшее, ценное, интересное в окружающих его людях и помогать этому лучшему развиваться и раскрыться со всей возможной полнотой. Вот как писали о нем современники: «Он не понимал ни самодовольства, ни зависти, он от души радовался всякому чужому успеху, потому что в каждом чужом успехе видел новую силу для просвещения, новое развитие своей заветной мысли». (В. Соллогуб, 5) «...можно сказать, что он отыскивал с жадностью в каждом хорошую сторону, способность на пользу, проблеск таланта» (там же). Главной, «заветной» мыслью Одоевского была мысль о процветании и просвещении России, о развитии в ее культуре национального, исконно русского, о народности (слово которое он сам употреблял в своих статьях и письмах). Взгляды его во многом близки идеям славянофилов, хотя сам он себя к оным не причислял, в чем-то – и не соглашался... Но все же – немецкая философия, Шеллинг, вера в особый путь русского народа. И не случайно В.В. Розанов сравнивает Одоевского с Чаадаевым – и противопоставляет их.

Дом Одоевского был всегда открыт для творческих людей. По словам С.П. Шевырева «вся русская литература пересидела на диване его».(6) Добавлю – и музыка тоже. Среди посетителей его дома – Пушкин, Лермонтов, Жуковский, Крылов, Вяземский, Баратынский, Тютчев, Фет, Гончаров, Тургенев. С Глинкой князь дружил; общался и переписывался с Даргомыжским, Стасовым, Серовым, с Антоном и Николаем Рубинштейнами, с Чайковским, а также с Кларой Шуман, Берлиозом и Вагнером.

Странно при этом, что столь значимая и крупная личность в культурной и общественной жизни XIX века сравнительно мало изучена. Между тем, и в жизни, и в наследии Одоевского очень много интересного. В небольшой статье невозможно подробно рассказать обо всем. Я сделаю всего лишь набросок, несколько фактов и наблюдений, касающихся в основном музыки, которая занимала в жизни князя огромную роль.

Одоевский и Глинка.

Как уже упоминалось, они были друзьями. При сравнении их биографий видно некоторое сходство, этакий параллелизм: во-первых, они ровесники. Оба родились летом 1804 года, Одоевский чуть позже. Свой день рождения Владимир Федорович отмечал 30 июля. Князь Одоевский принадлежал к очень древнему и знатному роду, восходящему к Рюрикам, и, кажется, стал последним отпрыском этого рода. Наследников не оставил. Родился он в

Москве, в доме своего отца Федора Сергеевича, но отца практически не запомнил – тот скончался, когда сыну не было и пяти лет. Мать его – Екатерина Алексеевна Филиппова – в прошлом была крепостной крестьянкой. Говорят, она была очень умна и талантлива, обладала литературным даром. Первое поприще на жизненном пути князя – учеба в Благородном пансионе, и здесь опять сходство с Глинкой, только Одоевский поступает (в 1816 году) в Московский Благородный пансион при Университете, а Глинка – в Петербургский Благородный пансион при Главном педагогическом институте. Оба учебных заведения прославились тем, что в их стенах учились самые лучшие, мыслящие, равнодушные к судьбам Родины, творческие представители дворянской молодежи. Среди выпускников Московского Пансиона были Жуковский, Грибоедов, Вяземский, Лермонтов, декабристы Раевский, Н. Тургенев, Трубецкой. Образование в Пансионе было очень основательное, вот перечень некоторых предметов, которые изучались там:

математика (с началами высшей) и механика; отечественная и иностранная словесность; закон Божий и священная история; естественная история; римское право; российское законоведение; иностранные языки (французский, немецкий, английский, итальянский); классические языки; история; мифология; светское воспитание; искусства (музыка, рисование, живопись, танцы, фехтование, верховая езда); гражданская архитектура; военные дисциплины; логика; история философии; политическая экономия; нравоучение; риторика; эстетика.

Как и Глинка, Одоевский обучался музыке с детства. Он говорил, что даже не помнит, как выучил ноты. В Пансионе же ему посчастливилось учиться у прекрасного педагога Д.И. Шпревица, который, помимо всего прочего, открыл юноше мир музыки Баха. Это оказалась любовь на всю жизнь. Возвышенный строй баховской мысли, математическая точность и логика контрапунктических произведений оказались очень созвучны складу ума Одоевского. Музыкальная одаренность у него была очень большая. Современники вспоминают, что он «играл с удивительной быстротой и беглостью на фортепиано самую трудную музыку, между прочим, Баховы фуги...» (1, с.30), «Бахова музыка была ему как своя. На Фильдов лад играл превосходно, прямо читая ноты» (там же). Баха князь играл и любил всю последующую жизнь, написал романтическую новеллу о композиторе, делал переложения его произведений. От Баха же – любовь к органу. Одоевский сам сконструировал орган, который назвал – «Себастианон». Писал музыку для органа. Но это было позднее.

А в пятнадцать лет Одоевский – автор квинтета для фортепиано, скрипки, альты, виолончели и контрабаса, прекрасный пианист, часто выступает на концертах в Пансионе.

Однако, несмотря на свой несомненный талант, юноша не думает о профессиональных и целенаправленных занятиях музыкой. Круг его

интересов гораздо шире. Живет он в доме своего дяди в Газетном переулке, в маленькой комнате на втором этаже. Занимается математикой, химией, конечно, музыкой, литературой, а также философией. Одна из первых затей Одоевского – созданное совместно с поэтом Д. Веневитиновым так называемое «Общество любомудрия». (Любомудрие – буквальный перевод слова «философия», и в этом тоже чувствуется славянофильство). Любомудры изучали философию Платона и Шеллинга, целью имели – создать новую русскую философию, сделать ее основой отечественного мировоззрения, что должно было привести к упорядочиванию всей общественной жизни и исправлению ее недостатков. «Общество любомудрия» имело устав, значилось тайным, и просуществовало до 14 декабря 1825 года, после чего было распущено его председателем – Одоевским. «После этого несчастного числа князь Одоевский нас созвал и с особенною торжественностью предал огню в своем камине и устав и протоколы нашего общества», - вспоминает один из «любомудров» А.И. Кошелев (6). Мотивы этого поступка были понятны – после 14 декабря собираться тайным обществом было просто опасно. О связях Одоевского с декабристами написано много, отмечу лишь, что связи эти, конечно, были (среди декабристов был и брат князя А. Одоевский), и что Одоевский, как многие его друзья, ждал перемен, желал смены правления, с сочувствием относился к идеям декабристов, но выступления их не одобрил и не поддержал.

В 1826 году Одоевский переехал в Санкт-Петербург и устроился на службу в цензурный комитет министерства иностранных дел. В этом же 1826 году он знакомится с Глинкой. «Чудо малый. Музыкант, каких мало» - так сказал Одоевский о композиторе (1,с.36). Восхищение Глинкой и его музыкальным талантом особенно возросло после возвращения композитора из-за границы, с началом работы над оперой «Иван Сусанин». Мы знаем из «Записок» Глинки, как зародился замысел оперы, и как непросто шла работа над ней. Глинка рассказывает о либреттисте оперы бароне Розене, давая ему не слишком лестную характеристику. Однако Одоевский совсем иначе видит роль поэта в этой опере: «Барону Розену – и я радуюсь случаю выговорить эти слова – барону Розену мы все русские, любящие искусство, - обязаны вечною благодарностью: без него – опера «Иван Сусанин» не существовала бы»(1, с.231). Когда в 1857 году В. Стасов работал над биографией Глинки, Одоевский написал ему письмо, в котором рассказал о своей помощи в работе над этой оперой. Это были и советы, касающиеся роли хоров в опере, и помощь в написании стихов под готовую уже музыку (в чем, как мы знаем, и была главная трудность сочинения либретто). «Я брал мелодию Глинки, одноголосную, или многоголосную, и, соображаясь с его намерениями, выставлял ударения на нотах, стараясь дать метру какой-нибудь возможный образ... По этим метрам и по данной мысли, выражаемой музыкою, барон Розен написал большую часть стихов, находящихся в опере» (1, с. 231).

Когда опера вышла, Одоевский сочинил не только музыку вышеупомянутого «Канона», но, прежде всего, блестящую статью, опубликованную в «Северной пчеле», в которой он дает восторженную оценку «Сусанину». Главная мысль

статьи: произошло рождение русской музыки. Да, именно Одоевский называет Глинку родоначальником самобытной русской композиторской школы. «Этой оперою решался вопрос важный для искусства вообще и для русской музыки в особенности, а именно: существование *русской* оперы, *русской* музыки, наконец, существование вообще *народной* музыки» (1,с.119). «С оперою Глинки является то, чего давно ищут и не находят в Европе – *новая стихия в искусстве*, и начинается в его истории новый период: *период русской музыки*»(там же). В этой же статье Одоевский высказывает свою любимую мысль, к которой потом возвращается неоднократно: «русская мелодия... может быть возвышена до трагического стиля» (там же). Позднее появляется еще несколько статей Одоевского о первой опере Глинки, в которых он более детально разбирает музыку «Сусанина».

«Русская мелодия».

Одна из главных идей Одоевского – вернуть русскому обществу настоящую народную русскую музыку. Он был противником чрезмерного увлечения русских столиц западно-европейской музыкой, в частности, итальянской оперой. «Итальянщину» не любил, особенно доставалось от него операм Дж. Верди. Не любил он и музыки Шопена, считая его манерным и фальшивым. Берлиоза уважал, Вагнера принял не сразу, но, в конце концов, был покорен его талантом. Баха – боготворил, и рядом с ним ставил музыку Генделя и Глюка. Но превыше всего князь ценил народную «русскую мелодию», считая ее истинным источником русской национальной самобытности, и в ней одной видел будущее развитие отечественной музыки. И с обычной для него основательностью и любовью к анализу и систематизации, Одоевский принялся собирать и изучать русские народные песни. Он разыскивал и покупал уже существующие собрания, но также и сам записывал и обрабатывал песни, которые слышал от народных певцов. В сборнике Г. Бернандта (1) опубликована статья «Старинная песня», где приведена запись песни «Возле реченьки хожу млада», записанной В. И. Далем (В. И. Даль был другом и дальним родственником Одоевского) и Владимиром Федоровичем «с голоса одной почтенной восьмидесятилетней дамы, которая научилась ей в детстве от своей няни» (1, с. 252). Характерно, что записана не только мелодия песни, но и сделана ее гармонизация. Рассказывая о песне, Одоевский полемизирует с другими собирателями фольклора, объясняя свои принципы записи и обработки напева, которые считает единственно правильными: «...сохранена разнотактность, столь часто встречающаяся в наших старинных напевах; фортепианное сопровождение мы постарались составить сколь возможно проще,... мы нигде не осмелились ввести *септаккорда*, который еще и не был изобретен в ту эпоху, когда творились наши старинные мелодии, и от которого вконец искажается характер всякого русского пения, как мирского, так и церковного» (там же). «Итальянщина» возмущает Одоевского еще более в русском церковном пении. И еще сильнее он мечтает вернуть русскую духовную музыку к ее истокам – то есть к знаменному роспеву. Этим он начинает заниматься в Петербурге, но наиболее активно – уже в Москве,

куда возвращается в 1862 году. Он ходит по книжным лавкам, посещает монастырские библиотеки, особенно часто – библиотеку Троице-Сергиевой Лавры, разыскивая древние рукописи. Старинные напевы почти забыты, они звучат в первозданном виде только в храмах раскольников – и Одоевский отправляется туда, чтобы услышать их. Анализируя старинные напевы, как мирские, так и духовные, Одоевский приходит к выводу, что они имеют единую основу. В своих статьях он показывает, в чем своеобразие русских народных мелодий – метрическая нерегулярность («разнотактовость»), ладовое своеобразие (он находит специальные русские лады, которые называет «погласицами»), напевность. Нет, Одоевский не хочет возрождения русской народной песни и знаменного пения в первозданном виде. Будучи сторонником прогресса, он мечтает о новой музыке, но эта музыка должна основываться на законах построения русской народной песни, а посему эти законы надо изучить и усвоить. И он пишет статьи, в которых старается сообщить об открытых им законах: «Русская и так называемая общая музыка», «Мирская песня, написанная на восемь гласов», «Опыт музыкальной ереси» и др. Мы уже говорили о свойстве Одоевского находить единомышленников и развивать их таланты и начинания. Одним из них стал Николай Михайлович Потулов – регент, исследователь древнерусского церковного пения, духовный композитор. Потулов одним из первых стал делать гармонизации древних напевов по-новому, отказавшись от западно-европейских традиций, насаждаемых Придворной певческой капеллой. Одоевскому очень нравились эти переложения, он всячески продвигал их, добивался издания, организовал исполнение потуловской «Литургии св.Иоанна Златоуста» в храме св. Георгия на Всполье, и даже в Успенском соборе Кремля. О том, насколько близко было Одоевскому то, что делал Потулов, можно судить по записи в его Дневнике от 30 ноября 1868 года: «Работал с Потуловым над гласами – мы совершенно сходимся» (3, с.224). Сам Одоевский также пробовал свои силы в гармонизации церковных напевов, переложив 9-ю песнь Канона 1-го гласа. Другим единомышленником князя в деле возрождения русской духовной старины был священник Димитрий Васильевич Разумовский, один из первых серьезных исследователей древней церковной музыки. Сотрудничество Одоевского и Разумовского было продолжительным и плодотворным и привело, прежде всего, к открытию кафедры истории церковного пения в новообразованной Московской консерватории. Идея принадлежала Одоевскому, он же добился ее воплощения в жизнь, что было не так уж легко: требовалось согласие директора Н.Г. Рубинштейна, митрополита Филарета, Главной дирекции РМО. Все это князь преодолел, и кафедра была открыта. Возглавил ее о. Димитрий Разумовский.

Музыкальное просвещение.

Коль скоро зашла речь о консерватории, следует сказать, что Одоевский положил немало сил и на развитие музыкального просвещения в России. Он видел в просвещении народа залог его процветания и жизнестойкости, вот как он пишет об этом: «если во время своего возвышения он презрел

просвещение..., если вместо того, чтобы все минуты силы своей употребить на собрание сокровищ ума, на победу над окружающей природою, он провел время силы в бесплодных прениях и интригах честолюбия,...народ слабеет, дряхлеет – и незначительный удар стирает его с лица земли» (2, с.73). Князь много сил отдал просвещению не-музыкантов. Так, важным делом стала для него пропаганда теории Эмиля Шеве, создателя упрощенной (цифровой) музыкальной нотации. В 1857 году Одоевский, будучи во Франции, посетил музыкальную школу Шеве и был поражен его методой, легкостью и доступностью ее, и тем, как она работает. Он становится горячим поклонником Шеве и всячески продвигает его методику в России. Результатом его хлопот стало открытие хорового класса по методу Шеве в Петербурге под руководством Васса. В Москве же Одоевский стал поддерживать и опекать бесплатный класс хорового пения при консерватории под руководством К.К. Альбрехта. Владимир Федорович снабжал Альбрехта таблицами, приборами, давал советы, класс процветал, и, в конце концов, с помощью Одоевского Альбрехт издал «Руководство к хоровому пению по цифровой методе Шеве». Нельзя не сказать и о собственных работах Одоевского, носящих просветительский характер. Это, прежде всего, работа «Музыкальная грамота или основания музыки для не-музыкантов», «Музыкальная азбука», над которой он работал в последние годы жизни, это целый ряд статей для энциклопедических словарей.

Другим начинанием Одоевского стали беседы о музыке, которые он проводил у себя дома для своих друзей. Это было тоже уже в Москве, в 60-е годы. Часть из бесед была записана и издана. Часто уроки эти сопровождалась демонстрацией физических акустических опытов.

Изобретения Одоевского.

Как уже говорилось, физикой и математикой Одоевский увлекался всю жизнь. Музыку он смело и увлеченно «поверял алгеброй», изучая законы акустики, ставя опыты и делая удивительные изобретения. Среди самых знаменитых изобретений Одоевского - его орган «Себастианон», который он сконструировал еще в Петербурге, а затем перевез в Москву. Орган отличался тем, что клавиши его реагировали на силу нажатия, подобно клавишам фортепиано. Второе известное изобретение Владимира Федоровича – энгармоническое фортепиано, на котором были отдельные клавиши для бемолей и диезов. Оно предназначалось для исполнения диатонических ладов древней музыки, и его строй был не темперированным. Далее назову изобретения, упоминания о которых можно найти в Дневниках Одоевского: раздвижной резонатор, «в котором отражается всякий тон по произволу» (3, с. 214); звучащий цилиндр – «вся гамма прodelывается посредством ударов по цилиндру» (3, с.216); акустический микроскоп; акустические очки, с помощью которых можно было услышать тихий звук на расстоянии до 60-ти сажен, и которые Одоевский окрестил «телефоном» - удивительное прозрение! Далее идет звукособираатель, или, иначе – звучник – устройство также для усиления звука. С каким увлечением работал

Одоевский над всеми этими приборами, и с каким удовольствием демонстрировал их!

Личность такого масштаба, как Одоевский невозможно охватить в столь небольшой статье. Даже те темы, которые были затронуты здесь – едва лишь намечены, и отнюдь не исчерпаны. А сколько можно было бы сказать о музыке его, еще мало изученной. Про таких, как Одоевский, говорят – он энциклопедист. Таким был в России М.В. Ломоносов (Одоевский его очень уважал), в Европе – Леонардо да Винчи. Современники нередко считали князя чудачком – что ж, чудачество – спутник гениальности. В своих устремлениях он всегда был сторонником прогресса, он всегда радел о будущем своего Отечества, и о будущем – хорошем. И вся его деятельность была – для этого будущего, а главной движущей силой была – любовь к России. Нам, российским теоретикам и музыковедам, Одоевский дорог еще и потому, что он стал одним из первых, кто заложил основы отечественного музыкознания. Но для всех без исключения людей (и не только соотечественников), князь Владимир Федорович Одоевский – безусловный нравственный ориентир.

Список использованной литературы:

1. *Одоевский В.Ф.* Музыкально-литературное наследие.//Общая редакция, вступительная статья и примечания Г.Б. Бернандта. М.,1956.
2. *Одоевский В.Ф.* О литературе и искусстве.//Вступительная статья, составление и комментарии В.И. Сахарова. М.,1982.
3. *Князь Владимир Одоевский.* Дневник. Переписка. Материалы. М.: Издательство «Дека-ВС», 2005.
4. *Глинка М.И.* Записки.//Подготовил А.С. Розанов.М., 1988.
5. *В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском.* М., 1869.
Интернетресурс: az.lib.ru/jdjevskij_w_f/text_0620jldjrfo.shtml
6. *Одоевский В.Ф., биобиблиографическая справка.* Интернетресурс: az.lib.ru/o/odoevskij_w_f/text_0660.shtml

В.Ф. Одоевский - Молитва Без Слов (Борис Романов)
https://youtu.be/m-n_s2CLok0?si=8h9LjPAdlBKRby4d

В. Ф. Одоевский - Сентиментальный Вальс
<https://youtu.be/Mo8rYBuLJ-A?si=uOmrLdjneoinjBYW>